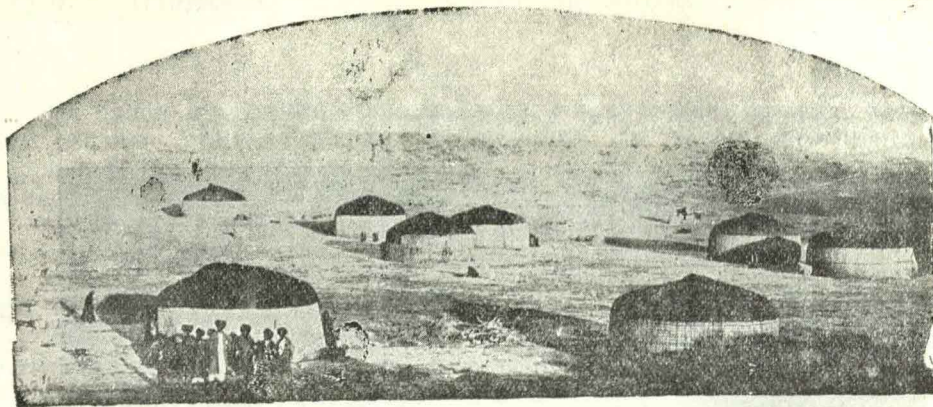

„ТУРКМЕНОВЕДЕНИЕ“

(Адрес редакции: Ашхабад, Гоголевская ул., 28. Телефон 3—18)

СОДЕРЖАНИЕ:

	стр.
КАРПЫЧ В.—Толстой и культура (Беглые заметки о бегущих параллелях)	3
I. СТРОИТЕЛЬСТВО ТУРКМЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ.	
САХАТОВ К.—О развитии туркменского языка	9
БОРИЕВ К.—Латинизация туркменского алфавита	13
ЦИММЕРМАН Р.—Об организации геофизич. обсерват. в Ашхабаде	19
II. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ.	
КАРПЫЧ В.—От Февраля к Октябрю в Туркмении	23
КОМАРОВ П.—Душак, <i>стихотворение</i> (отрывок из поэмы „Фронт“)	34
РОМАНОВ Н.—Очерки по истории Ашхабада (<i>окончание</i>)	39
БАХТИАРОВ Х.—Туркменские предания	49
III. ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА ТУРКМЕНИИ.	
ИОМУДСКИЙ Й. К.—Очерки туркменского быта	53
БАХТИАРОВ Х.—Остатки огнепоклонства у туркмен	62
IV. ЛИСТКИ ИЗ БЛОК-НОТА.	
БОРИЕВ К.—„Пресса“ (Международная выставка печати в Кельне.—Впечатления)	64
Акад. БАРТОЛЬД В.—Анау	68
Инж. СКЛЯРЕВСКИЙ Й. С.—Ремонт мечети в Анау	70
Проф. ФЕДЧЕНКО Б.—Изучение флоры Туркменистана	73
КУЛЬМУХАМЕДОВ.—Исторические документы	75
ОБЛОНСКИЙ А.—Театральная жизнь Туркмении	67
V. БИБЛИОГРАФИЯ.	
СЕНДЖАБИ М.—„Три библиографии“	81
А. С.—Н. Венедиктов—„Туркменка“	84
Я. Я—н.—Книжные новинки Туркмении	85
VI. ПЕРЕПИСКА С ЧИТАТЕЛЯМИ.	
ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ: „Земельный строй дореволюционной Туркмении“, „Климатические особенности ТССР“, „Природные богатства ТССР“, „Александр Македонский“, „Краеведческая работа“, „Школы в Туркмении“, „История КП(б)Т“, „Гражданская война в Закаспии“ и др.	
VII. ПРИЛОЖЕНИЯ.	
Дневник Туркменкульта (август—сентябрь 1928 г.)	
32 ИЛЛЮСТРАЦИИ В ТЕКСТЕ.	

Человек и природа Туркмении

ОЧЕРКИ ТУРКМЕНСКОГО БЫТА.

Карашхан-оглы Иомудский.

I. „И з ч и“

(Следопыты у туркмен).

На берегу Каспийского моря (бахры хазар), южнее залива Кара-Бугаз находится песчаный полуостров Дарджа, образующий собою левый берег Узбоия.

На этом полуострове, свыше пяти веков, живет группа туркмен рода „Кенан“. Они причисляют себя к иомудам ветви Огурджа-ли, близкому племени Гирей, из той же ветви Огжурджа-ли.

Этот род „Кенан“ славится тем, что все мужчины в нем очень опытные и выдающиеся по своим способностям „Изчи“. *)

Среди всех родов туркмен имеются „Изчи“, но среди рода „Кенан“ все люди являются наследственными и профессиональными „Изчи“, и их умение распознавать следы доходит до виртуозности.

Стоит туркмену из рода „Кенан“ познакомиться со следами матки верблюда, он всегда узнает потом след ее детенышей, и всегда скажет от какой матки прешел молодой верблюжонок.

„Кенан“ всегда легко узнает по следам зайца, лисицу и других животных самка ли это, или самец. Если самка беременна, то он даже и это легко определяет по ее следам

Точно также и с людьми. Если „Кенан“ знает след отца или матери, то всегда определит по следам взрослых—их детей—мальчика или девочку, и скажет чьи дети прошли.

При этом, отличительной чертой „Кенан“ служит их феноменальная память: им не нужно видеть след несколько раз, или изучить его, им достаточно видеть след всего один раз и они его запоминают навсегда.

Ниже мы даем описание нескольких случаев-фактов, рисующих феноменальные способности „Изчи“ из рода „Кенан“.

*) Туркменское слово—„ИЗ“ означает след. Тот, кто умеет распознавать следы и занимается этим специально, называется у туркмен „Изчи“, т. е. следопыт.

* * *

На одном пустынном островке, вблизи полуострова Дарджа, паслись бараны, принадлежащие Дарджинцам. На таких безлюдных островах бараны пасутся без пастухов, а потому и на этом острове не было сторожа.

Однажды к этому островку пристала лодка из аула Гассан-Кули, отстоящего от полуострова Дарджа на расстоянии свыше 30 верст.

Гассан-Кулинцы, бывшие в лодке, сошли на берег и, похитив двух баранов, скрылись.

Рис. Герасимова

Через некоторое время хозяева баранов приехали на островок и обнаружили пропажу.

Среди этих хозяев был один „Кенан“—Менгли Мамед. Он осмотрел следы похищенных баранов и следы людей и, убедившись что все следы ведут к берегу, решил что баранов похитили посторонние, приезжие люди.

Спустя два года после описанного события, Менгли Мамед на остр. Челекене, в ауле Огам-Эне, строил на берегу моря лодку. Как то мимо него прошли три молодых туркмена, оставив на влажном песке отчетливо отпечатавшиеся следы.

Менгли Мамед не знал, кто эти туркмены и никогда раньше их не видел, но, взглянув случайно на их следы, неожиданно закричал прошедшим — „стойте“.

Туркмены остановились и были огорошены неожиданным вопросом Менгли Мамеда: „Зачем вы два года тому назад украли наших двух баранов на острове X“.

Туркмены пытались отрицать „поклеп“.

Тогда Менгли Мамед стал им подробно рассказывать: как они сошли с лодки, каким образом они поймали баранов, как тащили их, где останавливались, как один из них остановился для отправления естественных надобностей, а другой в это время держал баранов и т. д.

Подробности были настолько точны, что туркмены испугались и сознались в своей вине, а когда Менгли Мамед потребовал сейчас же заплатить за баранов, они беспрекссловно начали доставать деньги.

* * *

Как-то на острове Хоро-Санли пропали бараны. Вора обнаружить не удалось, но след злоумышленника туркмены рода „Кенан“ видели.

Шесть месяцев спустя один из „Кенан“, хозяин украденных баранов, поехал в Красноводск.

Там он зашел как-то на пристань.

Туркменские девушки

Фот. ЩАПОВА

В кибитке туркмена.

Ручная мельница.

На палубе одной из лодок сидело много туркмен, которые пили чай. „Кенан“ подсел к ним. Во время общего разговора он обратил внимание на ноги незнакомого ему человека. Этот человек сидел вытянув ноги и „Кенану“ были видны его ступни. „Кенан“ долго смотрел в одну точку, а потом вдруг обратился к владельцу „интересных ног“ и сказал: „шесть месяцев тому назад ты приезжал на остров Хоросанли и украл моих баранов, — прошу тебя уплатить мне за них деньги“.

Незнакомец страшно сконфузился, и растерялся перед пристальным взором „ясновидящего“ и, не оправдываясь, сразу же во всем сознался, и уплатил „Кенану“ деньги.

* * *

Однажды на полуострове Дарджа пропал верблюд. Хозяева верблюда о пропаже узнали только через три дня.

Один „Кенан“—Курбан увидел в степи след этого верблюда и возле него след какого-то человека.

Курбан посмотрел и сказал, что этот след принадлежит человеку из отдаленных аулов, но не является следом „Кенана“, или вообще Дарджинца.

Оказывается, он знал следы каждого из жителей полуострова Дарджа и ближайших аулов.

Через 7 дней Курбан поехал по следам розыскивать пропавшего верблюда.

Он дошел до аула на колодце „Кара-Кую“ и там в массе следов узнал след того человека, который оставил свой след на Дарджа возле верблюда.

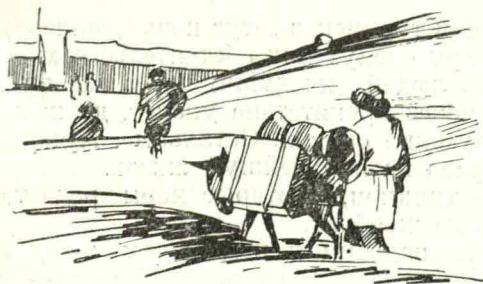
По этому следу он определил, что верблюда украл туркмен рода Чукан-Аманджик.

Последний сознался и отдал верблюда.

* * *

У туркмен и до сих пор еще принято приглашать „Изчи“ для розысков похищенного.

Кроме того, интересно, что всякий туркмен, укравший что либо, и уличенный (по следам) следопытом—„Изчи“, никогда не запирается, откровенно сознается и отдает украденное.

„Кыр-Гун“ и „Акыр-Гун“.

(Туркменские праздники).

У туркмен вообще очень мало праздников и среди редких „дней отдыха“ у них выделяются особенно только два—это „Курбан-Байрам“ и пост „Араза“.

Пятница или „джума“ (в некоторых местах „Анна“) также считается праздником, но в этот день туркмены работают, и если пятница и отличается от обычных дней, то только тем, что в этот день совершаются особые молитвы (намазы).

Во время Курбан-Байрама туркмены не работают. В этот день они съезжаются в свои аулы, надевают праздничную одежду и обязательно посещают друг друга.

Все эти праздники установлены мусульманской религией и взяты из „Китаба“ (священная книга „Коран“).

Кроме этих праздников, у туркмен есть чисто национальный праздник, о котором ничего не говорится в „Китабе“. Праздник этот называется „Меред-Айя“ или „Меред-Байрам“,—ему предшествует „Кыр-Гун“ (грязный день).

Месяц—„Меред“ в туркменском наименовании соответствует месяцу „Шебан“ (8-й месяц в году).

14-го числа Меред-Айя называется „Акыр Гун“ (тяжелый день). Этот день и предшествует празднику Меред-Байрам, или Меред-Айя.

По мнению туркмен, день 14-е Мереда,—день отчета за весь предыдущий год, в отношении пребывания человека в этом мире, и день предначертаний на будущий год (кто должен отойти в „тот“ мир, т. е. умереть в наступающем году, и кто должен остаться в этом мире).

По убеждению туркмен, „у ангелов (Периште) ведется особая книга, в которую записаны имена всех тех, которые в течение года (от 14 по 14 Мереда) должны умереть.

В ночь на 14 Мереда ангелы, под руководством „Израиля“—ангела смерти, разбираются по книгам,—кто должен был умереть и не умер, и проверяют всех. В то же время ангелы решают—кто в наступающем году должен будет умереть, и назначив тех лиц, которые должны будут умереть, вносят их поименно в особые списки“...

Этот день туркмены, как указано выше, называют—отчетным днем, придают ему огромное значение, встречают его тревожно и стараются принять меры, чтобы умилостивить „судьбу“ и избежать „назначения смерти“.

В представлении туркмен, в „эту“ ночь („саплов“) „проверка списков“ происходит при следующих обстоятельствах: „ангелы и др. духи прогоняют всех людей (их души) через различные препятствия. Тот, кто проходя через препятствие упадет, должен умереть, и вносится в соответствующие списки. Остальные, выдержавшие „испытания“, получают право на дальнейшую жизнь.

По верованию туркмен, некоторые меры предосторожности могут спасти от „страшного жребия“.

Так, например, „надо иметь поддержку в эту ночь,—надо быть не одному“. Поэтому в ночь с 13 на 14 Мереда,—надо непременно ложиться спать с кемнибудь вместе, вдвоем под одним одеялом, но ни в коем случае не одному“.

Туркмены в ночь „Саплова“ всегда ложатся спать вдвоем, под одно одеяло. Заботливые родные, из старших, в этот день обходят своих близких и напоминают о необходимости этой предосторожности, и беспокоятся о том, кто вынужден, почему либо, лечь спать один, ибо думают, что у того, кто будет спать один, могут незаметно унести душу, (т. е. он умрет).

В этом все туркмены настолько убеждены, что перед 14 м Мерета все серьезно озабочены принятием необходимых мер,—говорят об этом, дают друг другу советы и т. д.

Одной из необходимейших мер, кроме того, чтобы достойно и в полной готовности встретить страшную ночь „отчета“, „избрания“ и „проверки“, является, по верованию туркмен, т. наз. „Согаб“, т. е. „умилоствление“, „богоугодное дело“.

„Согаб“ делается всегда, когда случается какое-либо несчастье. Туркмены дают милостыню, приносят жертву, помогают чем либо другим людям и т. д.

Для 13 Мерета у туркмен установлен специальный „Согаб“, называемый „Кыр-Гун“.

В этот день все население должно производить фундаментальную очистку своих жилищ.

Ранним утром 13-го Мерета все обязательно начинают чистить свои кибитки, ковры, кошмы, одежду; мыться, бриться и т. д. В этой чистке проходит весь день (отсюда название—грязный день—„Кыр Гун“).

„Зыкыр“

(Священные игры у туркмен)

„Зыкыр“ своего рода молитва у туркмен (заклинание).

„Зыкыр“ (чекмели, арвах и джин) читается (произносится) над больными, одержимыми, „злым духом“—сумасшедшими.

„Зыкыр“ читают (чекселер) по приглашению родных больного (одержимого).

Читают „Зыкыр“ подряд 3, 7 или 9 дней (10 дней нельзя).

„Зыкыр“ повторяют через месяц, три и т. д., несколько раз в год.

При чтении „Зыкыра“, больного всегда сажает по середине кибитки. Все остальные люди садятся кругом (остальных всегда бывает очень много).

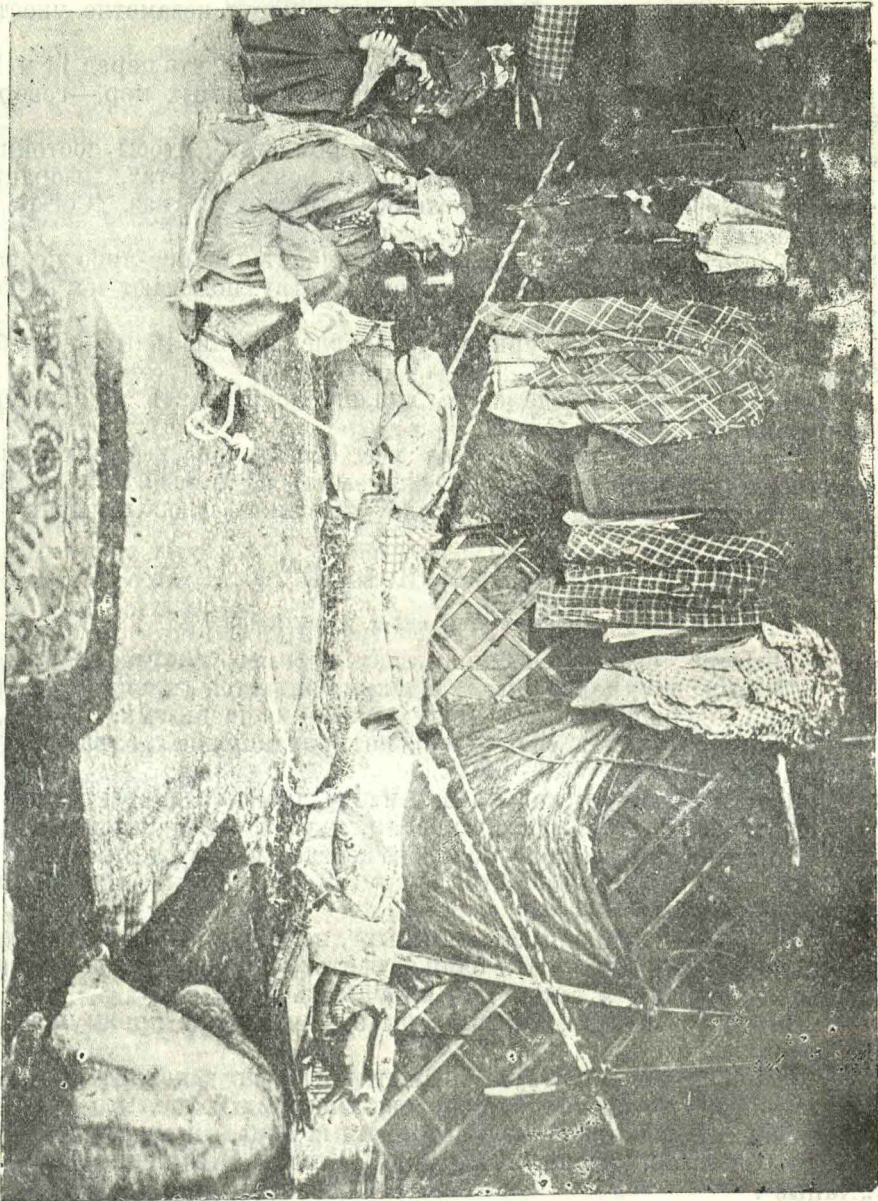
Среди приглашенных на „зыкыр“, по туркменскому обычаю, обязательно должен быть хоть один из святого племени (аулат)—Махтум Ходжа, Ата, Ших, а также ктонибудь из мулл.

Начинает читать „зыкыр“ „опытный человек“, преимущественно из стариков.

Затем читает молитву Ишан, и когда он закончит ее словами „Алла-Экбер“, то несколько человек, имеющих голос, кто бы они ни были, начинают петь песни из священных книг,—например: — Мешреб, Эдгем, Бакирган, Новаи, Фызуми, Хевавда. Это пение называется „Ханыс“.

После этого пения Ишан начинает произносить—„ХУ“, „ХУ“ (арабское слово—бог).

Ишан произносит три раза „ХУ“ и этот звук подхватывают все люди, сидящие в кибитке. При чем, если они прервут свои восклицания „ХУ“ или ошибутся то Ишан снова затягивает „ХУ“. После долгих криков Ишан произносит—„Алла“ и тогда все замолкают и отдыхают.

В КИВИШКЕ ТУРКМЕНА (о. Теленен).

Фот. ШАНОВА;

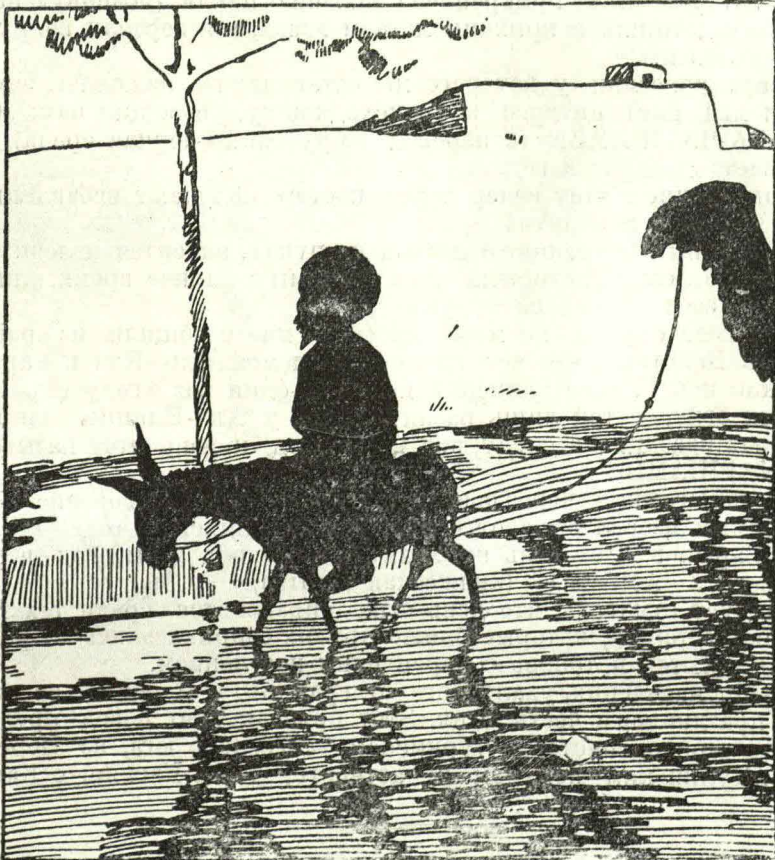
После отдыха Ишан произносит—„Эй-у-Эй“, (божеств. слова) несколько раз, а люди стоящие в кибитке начинают выходить на середину попарно и произносят такие же звуки.

Сперва они ходят согнувшись, а затем начинают бить об землю ногой, и подпрыгивают в такт пения до усталости. Это подпрыгивание изображает нечто вроде борьбы со „злым духом“.

Затем ишан опять кричит—„Алла“ и все снова расходится.

После неоднократного „схождения“ и „расхождения“, с песнями и „плясками“, начинается лечение больного. Ишан читает из „Корана“ „Хатым-Ходжа“, а затем обнимает голову больного, бьет его по спине, делает массаж и т. д. и, наконец, заставляет его глубоко дышать („перу“) 3 раза.

Рис. худ. Герасимова.

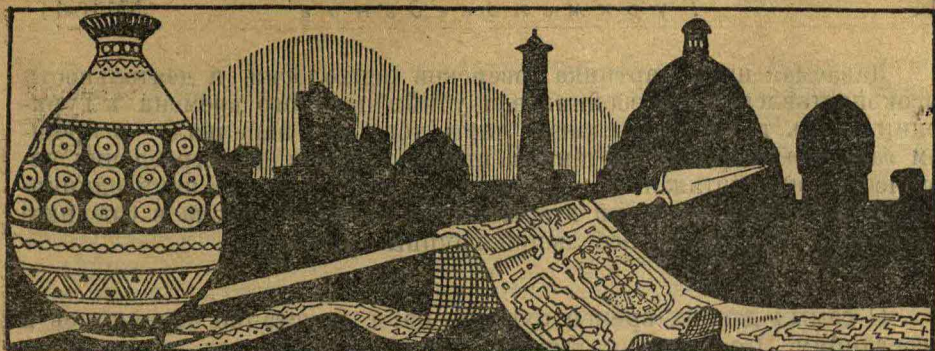
В ауле.

После дождя.

Затем все поют „Пата“ (заключительная молитва) и расходятся, при чем, предварительно, родные и близкие больного угощают гостей едой и чаем.

„Зыкыр“ читается (делается) также для удовольствия, как развлечение (игра). На этот „зыкыр“ допускаются старые женщины (молодые не допускаются).

Молодые женщины и девочки для своего удовольствия читают (делают) „зыкыр“ самостоятельно, во всем подражая настоящему „зыкыру“.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

„ИСТРЕБЛЕНИЕ ТУРКМЕН ВО ИМЯ СПАСЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА“.

*(Из истории захвата Средней Азии русским царизмом во второй
половине XIX века).*

КАРАШХАН-ОГЛЫ ИОМУДСКИЙ.

*„Туркмены—это черное пятно
на земном шаре, это стыд челове-
честву, которое их терпит“.*

*(Слова генерала Гродекова. Стр. 280,
том II, „История завоевания Сред-
ней Азии“. 1906 год. Генер.-лейт.
М. Н. Терештнев.)*

В 1927 году исполнилось десять лет с того момента, как рухнуло и погибло монархическое и буржуазное правительство бывшей „Российской Империи“.

Вместе с крахом „Российской Империи“, Туркмения, бывшая фактически царской колонией, освободилась от „культурного“ зверства царских сподвижников и занялась устройством собственной жизни.

Многие и очень многие из нового поколения даже не знают всей изумительной гнусности прошлого. Многие ее не видели, а только слышали „кое что“, а потому не имеют правильного представления о прошлом и не в состоянии найти и уловить семена и микробы пошлости царского времени, чтобы их уничтожить.

Поэтому мы должны выявлять и давать правдивые иллюстрации прошлого во всей их наготе и неприглядности. Это долг всякого, знающего прошлое и имеющего у себя подобный материал.

Выполняя этот гражданский долг, мы попытаемся дать скромный, но по содержанию своему чрезвычайно показательный для царизма материал времен „культурного“ продвижения войск „Великого Белого Царя“ в недра Средней Азии, для „просвещения диких народов этих стран“.

Даваемая нами картинка зверской психологии и деятельности высокопоставленных разбойников и убийц царского времени в Туркмении,—есть только ничтожная часть того, что наполняло в прошлом галерею царских застенков, пыток, убийств и истребления человечества на протяжении нескольких веков. Даваемая нами единичная иллюстрация из эпохи вторжения русского царизма в Среднюю Азию касается только небольшой группы туркмен.

* * *

С самых давних времен русские цари неустанно стремились к завоеваниям. Это толкало „Святую Русь“ то на восток, то на запад для нападения на соседние народы, для захвата чужих земель и порабощения населения. Каждый такой набег они силились прикрасить завоевательными идеями и альтруизмом. Изыскивая причины своих завоевательных войн, царское правительство так искренне врало и обманывало общественное мнение своих „верноподданных“ и государства Европы, что, в конце концов, и само начало верить в правдивость своих слов. Они сами себе казались теми страдальцами и несчастными подвижниками, которые во имя справедливости должны вести нескончаемые войны, проливать человеческую кровь и сжигать поселения „спасая человечество“.

Продолжая дело своих „великих“ предков — продвижение в недра Средней Азии,—„Царь-Освободитель“, Александр II, в шестидесятых годах XIX века шлет верных своих слуг и преданных ему генералов Кауфмана, Черняева и других, со стороны Оренбурга, на Ташкент, Коканд, Самарканд, Бухару и Хиву, а со стороны уже поработанного к тому времени Кавказа—генералов Столетова, Лазарева, Тер-Гукасова, Ломакина и др. на восточное побережье Каспийского моря.

С запада и востока одновременно „Царь-Освободитель“, „намерен образовать кольцо из пушек и штыков вокруг Средней Азии, что бы зажать в этом кольце коренных жителей и после достаточного кровопускания обратить население страны в рабов, а страну в царскую колонию. „Царь-Освободитель“ идет лишать свободы миллионы людей, ничем ему необязанных и ничем с ним несвязанных.

Какая ужасная ирония! Не культуру и просвещение несет за собою венценосный освободитель, а рабство и истребление. Его прельщают богатства Средней Азии и ее памятники древней культуры, им руководит корысть, стремление к наживе, а потому он пускается на открытый грабеж и разбой, прикрывая все это лживыми уверениями, что несет „свет“ с запада в дикие страны и „умиротворение“.

Кроме того, легенда о несметных богатствах Индии, еще со времен Средневековья (XIV, XV век) будоражившая умы Европы и „великих предков Царя-Освободителя“, заставляют его стремиться в сказочную Индию через пустыни и оазисы Средней Азии, для новых грабежей и захватов. Но к югу от Гималаев давно уже засели еще более „культурные“ захватчики—англичане, которые уже давно просвещают индусов, расстреливая их из пушек, предварительно привязав их к дулам последних. Англичане уже давно высасывают все соки из страны и не пустят к себе соперников по грабежу, с ними придется воевать раньше, чем пройти в Индию—страну чудес, и они „не безоруженные дикари“, а такие же заядлые хищники, обладающие всеми культурными средствами уничтожения людей. Поэтому монархам „Святой Руси“ необходимо устроить базу на пути в Индию, укрепиться и подготовиться к последнему прыжку. Оба хищника, зная цену друг другу, оставив в пространстве между собою

нетронутую лакомую кость—Афганистан, Персию, Памир, прочно залегли по обе стороны наивысших горных хребтов—Гиндукуша и Гималаев и ждут момента, когда кому из них удастся удачно броситься друг на друга и растерзать? Головы этих двух хищников выглядывают на Памирском плоскогорьи, с севера—России, а с юга—Англии. Но эти хищные звери не разных пород. Король Англии и Император России—близкие родственники, они не питают злобы друг к другу, они находятся в торговых и дипломатических отношениях, они бывают в гостях друг у друга и готовы воевать друг с другом, не из за голода, а только потому, что они хищны по своей природе и одинаково стремятся к наживе и захвату более слабых народностей.

В силу всех этих причин великая царская Россия захватывает Среднюю Азию, порабощает ее жителей и стремится продвинуться дальше на юг и восток.

Царские полки надвигаются с севера и запада и покоряют народы Средней Азии, пользуясь своим превосходством в средствах и технике войны. В русской истории и литературе царского времени, военные действия царских войск возводятся в подвиги и воспеваются „талантливыми“ писателями и художниками. Немирович-Данченко, Карамзин, Верещагин и др. называют русских воинов не иначе, как туркестанскими и кавказскими чудо-богатырями, приписывая их подвигам высокую идею борьбы за правду, за человечество. Они сами настолько увлекутся своим „квасным патриотизмом“, что несмотря на свое образование и просвещение, не в состоянии разобраться в событиях, не в состоянии понять истины. Они не могут понять, что русской армии, этим „чудо-богатырям“, совершенно не известны цели завоеваний, что они автоматы, пушечное мясо и идут воевать и переносить нескончаемые мучения, как простые исполнители воли кучки капиталистов—вельмож, во главе с „самодержцем“, захвативших власть над народом и преследующих исключительно свои собственные цели. Они вовсе не хотят понять, эти писатели и художники, что русскому крестьянину, рабочему и даже обывателю нет никакого дела до народов Индии, Средней Азии, Персии и Афганистана. Они не хотят знать, что русский рабочий и крестьянин не питает к народам покоряемых стран никакой вражды.

Достаточно вспомнить хотя бы одно художественное произведение русских классиков, писателя первой половины XIX века, М. Ю. Лермонтова—„Бородино“, что бы увидеть отражение капитализма и понимания войны с ее ужасами не только среди солдат, но и образованного читающего общества.

Старый солдат, ветеран войны, иначе не может смотреть на армию, как на „богатырей“:

— *„Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри—не вы!“*

Все творилось только по воле Господа:

— *„Не будь на то Господня воля,
Не отдали-б Москвы!“*

Стимул войны:

*„Забил заряд я в пушку туго,
И думал: грошу-ж я оруа!
Постой-ка брат, мусю!
Что тут шитрить,—пожалуй к бою,
Уж мы пойдем ломить стеною,
Уж стоим мы головою за родину свою!“*

И подбадриваемая хвалебными гимнами армия беспрекословно шла, по повелению правительства, на войну, на угнетение других народов, совершала героические подвиги, преодолевала невероятные препятствия, истекала кровью, умирала, голодала, гибла. Эти подвиги покрывали армию мировой славой, герои награждались крестиками и медалями, а разоренные семьи убитых и искалеченных воинов получали пенсию—3 руб. 25 коп. в год.

* * *

Генерал Кауфман! Кто не знает этого „славного“ имени!

Кауфман—это „воспетый герой“ доброго старого царского времени,—времени „Царя Освободителя“; это царский вельможа и фаворит. Кауфман—завоеватель Средней Азии, окруженный ореолом славы и массой легенд, как гений, организатор и гуманнейший правитель.

Это Кауфман своими подвигами „вставил в корону Самодержца Всероссийского драгоценную жемчужину—„Туркестанский край“, покорив его и присоединив его к „державе Российской“. Это он обогатил Россию ценнейшей колонией и создал угрозу Китаю, Персии и Афганистану образованием военного плацдарма в Средней Азии. Это он обезбокоил конкурента в хищнических замыслах русского царизма в Азии,—английскую державу. Заслуги Кауфмана неисчислимы и, поэтому, отечество и царь воздали ему по заслугам.

„Великому“ Кауфману в г. Ташкенте был поставлен огромный памятник в сквере его же имени. Главная улица называлась Кауфманской. Одна из станций железной дороги была также названа Кауфманской, а, кроме того, еще и всякими способами память его была увековечена. Сын генерала Кауфмана и ныне именуется „Кауфман Туркестанский“. Только сознательные „инородцы“, знакомые с прошлым, с историей порабощения Средней Азии, могут дать надлежащую оценку как Кауфману, так и другим сатрапам царского времени, погубившим столько жизней „инородцев“, давшим сюжет для кисти художника Верещагина „Апофеоз войны“—огромная гора людских черепов—коренных жителей Туркестана.

Мы, коренные жители Туркестана и, в частности, Туркмении, можем и должны дать надлежащую оценку деятельности Кауфмана и других, ему подобных, завоевателей, которую они вполне заслуживают. Мы должны сорвать с них маску лжи и ореол славы, доказать что в этих „гуманных“ генералах не было и признаков гуманности, а было только звериное начало. Если мы проанализируем только один эпизод из эпохи завоевания Кауфманом Средней Азии, то истинный облик этих „великих культурных и гуманных“ деятелей царизма будет вполне ясен и обнаружен.

В XIX веке туркмены в Средней Азии занимали уже почти ту же территорию, на которой они живут в данное время: между Каспийским морем и рекою Аму-Дарьей—с запада на восток и от Усть-Урта и Мангышлак до р. Кара-Су, по р. Чандырю, Сумбару и далее к востоку, по северному склону Копет-Дага до Мазар-И-Шериф, Келифа.

В общей массе, туркмены, численностью до полутора миллиона человек, считали себя совершенно свободными, не признавали над собою никакой власти и, отчасти только, некоторые группы родов номинально числились подданными Персии, Хивы и Бухары. Наи-

более крупные племена занимали нижеследующие районы всей вышеуказанной равнины и предгорий без точного очертания границ своих поселений: Теке занимали весь Ахал, Теджен, Мерв от Кизил-Арвата у-под швы Копет-Дага, почти до Аму-Дарьи и пески к северу от гор. Салоры—часть Ата—Серахский район, граница с Персией и по Аму-Дарье у Чарджуя. Сарыки—Иолотавь и Пенде—по р. Мургабу. Эрсари—по Аму-Дарье у Керки, Келифа, вклинаясь в нынешний Афганистан. Иомуды—по берегу Каспийского моря и Кара-Бугаза, в бассейне рек Гюрген, Атрек, от Кара-Су, на Уз-баю до устья Урта и до дельт Аму-Дарьи у Аральского моря и до Хивы. Ата—по Аму-Дарье, к югу от Дерт-Кула. Геокланы—у Кара-Кала по р. р. Чандырю и Сумбару и отчасти в Хиве. Карадашли, Емрели, Чаудуры и др. небольшие племена—в Хорезме у Илинли, Ташауза. Шиге, Ходжа, Махтум и Ата—разбросаны среди других туркменских родов, а сосредоточены—Шихи на косе у Красноводска; Ходжа в Мангышлаке, Ата у Коджа.

Первые серьезные вторжения русских войск на восточном побережье Каспийского моря начинаются в XIX веке, занимают сперва Мангышлак, затем Красноводск, Михайловский залив, (Балканский) и в 1880 году—Чикишляр.

Начиная с 1830 годов на это побережье неоднократно прибывали из России посольства и дипломатические и торговые экспедиции в сопровождении воинских отрядов, вступавшие в договорные отношения и, под тем или иным видом, захватывавшие побережья острова и другие пункты, отнимая привилегии у туркмен, в результате чего образовались форт Александровский, укрепления Красноводска и Михайловское, и Ашур-Адинская морская станция, служившие базой для кавказской армии.

В 1879 году отсюда была начата экспедиция (как тогда мягко выражались) на Геок-Тепе, а затем в 1880 году и повторная экспедиция, после крушения первой, туда же. И затем в Асхабад для завоевания Ахала. В 1884 году, был занят Теджен, Мерв и в 1888 г. Кושка.

Одновременно русские войска надвигались и со стороны Оренбурга на Ташкент, Коканд, Самарканд и Бухару и к 1874 году эти города и районы были захвачены русскими войсками. Оставались незахваченными Бухара и Хива.

Эти походы назывались завоеваниями Средней Азии и, кроме официальных описаний их „в реляциях и донесениях по командо“, в литературе, как русской, так и иностранной, имеются описания и воспоминания отдельных лиц, писанных разновременно. Даже из этих официальных и казенных источников, несмотря на их эзоповский язык, можно получить материал в доказательство того, что эти „завоевания“ сопровождалась безобразными зверствами и насилиями со стороны завоевателей, ничего уже не говоря о том, что все другие описания и источники повествуют об этих зверствах с полной откровенностью.

Мы не будем останавливаться на описаниях и воспоминаниях какого либо постороннего лица, а тем более из „инородцев“, т. к. их можно заподозрить в пристрастии, а возьмем описания завоевания Средней Азии прямого участника этих завоеваний, русского офицера, служившего под непосредственным начальством генерала Кауфмана и хорошо знавшего все приказы и распоряжения по армии. Это два тома „Истории завоевания Средней Азии“, написанные гене-

ралом-лейтенантом М. Н. Терентьевым, много лет спустя в 1906 г. т. е. во вполне спокойной и объективной обстановке и по документам.

Казалось бы достаточно только указать на это произведение ген.-лейт. Терентьева, что бы читатель сам прочел и узнал все необходимое. Однако, эти книги трудно найти. Никто не знает, например, о классическом докладе генерала Гродекова в связи с не менее классическим приказом генерала Кауфмана о „Поголовном истреблении иомудов“. А между тем, этот приказ и доклад проливают свет на всю деятельность царских героев в Туркестане, разоблачают их до конца, как самых зверских завоевателей и срывает с них маску „гуманности, культурности и высоких идей“, которой они прикрывались.

Вследствие этого, является крайняя необходимость не только указать на книгу генерала Терентьева и документы, но и процитировать последние, по отношению затронутого нами вопроса „Истребление туркмен“, как отдельного эпизода из завоевания Средней Азии.

Поглотив постепенно Ташкент, Коканд, Самарканд и другие города, с окружающими их поселениями и землями, Туркестанский генерал-губернатор фон-Кауфман, согласно общего плана царского правительства, готовился к дальнейшему поглощению Бухары и Хивы с востока, оставляя остальную еще не захваченную, свободную территорию Средней Азии—между Каспийским морем и Аму-Дарьей—населенную различными племенами туркмен, кавказскому командованию—„Наместнику Императорского Величества“ для захвата и поглощения.

Кауфман уже нацелился—присел к земле, чтобы сделать последний прыжок, как это делают хищные звери, бросаясь на свою жертву, но понял, что просто воевать, т. е. просто набрасываться—он не в состоянии, так как не надеялся на силу своих войск, расчлененных на мелкие гарнизоны по всем завоеванным городам Туркестана, а потому, он согласно своему культурному обычаю, прибег к хитрости.

Прежде всего он начал дипломатические переговоры с Ханом Хивы—Сеид-Рахимом, уверяя его в своем „искреннем“ расположении к нему и „благоволении Великого Белого Царя“, а также в непременном желании придти Хану на помощь против диких и непокорных туркмен-иомудов и „покорить под ножи его, этих непослушных подданных“. Усытив и убавив этими сладкими словами и обещаниями, такого же хищника, как и „правительство Белого Царя“,—Хивинского Хана, генерал-адъютант фон-Кауфман добился расположения последнего и добился на первый раз приглашения посетить Хиву и самого Хана.

В это время население Ханства состояло из оседлых жителей узбеков и других племен покоренных хану из кочевников, а также, отчасти, оседлых туркмен-иомудов, враждовавших с ханом и нежелавших ему подчиняться. Первые группировались своими поселениями к г. Хиве и р. Аму-Дарьи, по верховьям и головам оросительных каналов, а вторые к северо-западу, у городов Тапауз, Ильяли, Куня-Ургенч, Сарыкамышской впадине и в песках—по низовьям тех же оросительных каналов, отчего они и зависели в получении воды для орошения и питья от сидевших в верховьях узбеков и ханских правителей.

Фон-Кауфман разведан с помощью рекогносцировок всю обстановку в ханстве и знал большое место хана.

Во втором томе „Истории завоевания Средней Азии“ генерал Терентьев говорит:

„Рекогносцировки производились огромными отрядами, стоявшими громадных денег. Эти отряды истребляли массу верблюдов, разоряли туркмен и посеяли страшную вражду к вам этих дикарей и погубившую потом поход кавказцев на Хиву“. (стр. 69).

Большим местом хивинского хана была вечная непокорность и неповиновение иомудов, которых хан боялся и с которыми не мог справиться, а потому он с удовольствием принял бы помощь не только русских, но и кого угодно в деле умирения и подавления свободлюбивой вольницы иомудов.

Кауфман также стремился поглотить последних. Интересы двух хищников — царского и ханского — сходились на этом. Создался союз и окрепла „дружба и единство“ туркменского „полу-царя“. Кауфмана и хана-Хивинского.

По отчетам русских властей (глава XI, т. II книги ген. Терентьева, стр. 68.)

„всех туркмен считалось до 225 тысяч кибиток, или более миллиона душ, а в Хивинском ханстве — туркмен до 35 тысяч кибиток, или до 175 человек обоего пола... Грабят они и соседей хивинцев, и друг-друга, а хана не слушаются“.

Русский император повелел ген. Кауфману — наказать Хиву. Под выражением „наказать Хиву“, Кауфман и его сподвижники разумели — „наказать туркмен“. В материалах... прямо и говорится:

„что иначе не была-бы достигнута цель всей экспедиции и русским войскам нельзя было-бы выйти из пределов Ханства, что противоречило-бы „Высочайшей воле-наказать Хиву“. (стр. 47).

„Ген. Кауфман прибыл в Ханство со своими экспедиционным отрядом и приказал собрать представителей туркмен. 3 июня 1873 года Кауфман объявил явившимся к нему туркменам-старшинам, что больше грабежей и неповиновения хану он не потерпит, в противном случае — пощады вам не будет“ (стр. 266).

Таким образом, ген. Кауфман с одной стороны выполнял „высочайшую волю — наказать Хиву, одновременно помогая Хану-Хивинскому — наказать и укротить туркмен“.

Населению же Кауфман говорил обратное.

„Кауфман, правда, несколько раз объявлял в прокламациях, что воюет не с народом, а с одним хивинским ханом и его министрами, но как вразумить кочевника, которого ханы приютили только на условии выставить известную силу на случай войны“. (стр. 266)

Затем по требованию и настоянию ген. Кауфмана, диван (правительство хана) постановил, что все население, не исключая туркмен, должно было по раскладке доставить в русский лагерь провиант по назначенной цене, чтобы дать возможность русским войскам бить это-же население, поставляющее провиант.

Ген. Терентьев делает по этому поводу лично от себя следующее замечание:

„Где взять провиант скотоводу, который не сеет, не жнет, а грабить же запрещено. Можно было заранее сказать, что даже полуседлые туркмены не исполняют такого требования, т. к. прошлогодний посев был съеден ими самими, а новый еще не поспел“. (стр. 266).

Вышеприведенное требование ген. Кауфмана—о доставлении населением провианта для русского экспедиционного отряда, пришедшего карать это-же население,—настолько абсурдно, что не нуждается ни в каких доказательствах. Смысл же и цель этого требования Кауфмана были ясны до цинизма. Кауфман предъявил населению невыполнимое требование, чтобы поставить его в безвыходное положение „не исполняющих распоряжений правительства“—хана хивинского и его ген. Кауфмана, а следовательно это создало повод к дальнейшим военным действиям экспедиционного отряда, одновременно оправдывающие эти действия, как вызванные суровой необходимостью.

Объявляя в прокламациях своих, что „он воюет только с одним ханом и его министрами“, ген. Кауфман в то же время действовал с ханом за одно, в тесном единении с ним, направляя все свои зверства и репрессии исключительно против населения.

Сделав распоряжение о доставлении туркменами провианта для русских войск, Кауфман устроил так, что это распоряжение было невыполнимым. Началась карательная политика за ослушание.

Генерал Терентьев, в т. II своей книги, приводит свое мнение по этому поводу.

„За ослушание туркмен свободной Хивы и свободной степи, еще не покоренной Россией, Кауфман наложил на них денежный штраф, по такой раскладке, „чтобы не разоряя их окончательно, достаточно ослабить их силу и кичливость,—поставить в невозможность скоро оправиться и этим привести их в подчинение и зависимость от Хана“ (стр. 267).

Наложив на туркмен денежный штраф, Кауфман тотчас же оставил у себя 12 старшин-туркмен заложниками. Терентьев по этому поводу замечает:

„Это так же оригинальная мера. Именно тех людей, которые должны были сделать раскладку и собирать с подчиненных деньги, *засадили* под арест. Очевидно, что ничего не было упущено, что бы только раздражать туркмен и вызвать у них волнения“...

„Для понуждения иомудов к исправному и быстрому взносу пени был послан *э*кзекуционный отряд под начальством генерала Головачева... В составе отряда были авантюристы—полковники: Блок, Новомлинский, Дрешерн, Есипов, Гринвальд, которым предоставлялась возможность „полюхачь пороху“ и приложить руку к „справедливому делу“.

Странно, конечно, одно: туркмены еще не отказались внести контрибуцию, а уж к ним послана *э*кзекуция“ (стр. 267).

В архивах сохранилось предписание Кауфмана, данное им генералу Головачеву при посылке этого *э*кзекуционного отряда на иомудов. Выдержку из этого предписания, от 6 июля 1878 года за № 1167, генерал Терентьев приводит на стр. 269, тома II своей книги.

„Дабы ближе следить за ходом сборов среди иомудов, прошу Ваше Превосходительство отправиться 7 сего июля с отрядом в Хазават, где и расположить его на удобное место. Если Ваше превосходительство уемотрите, что *иомуды не занимаютя сбором денег*, а собираются с целью дать войскам отпор, а может быть, откочевать, то я *предлагаю* Вам тотчас же двинуться в кочевья иомудов, расположенные по Хазаватскому арыку и его разветвлениям и *передать эти кочевья иомудов и семьи их полностью и совершенному разорению и истреблению*, а имущество их, стада и прочее конфисковано“.

Генерал Терентьев, по поводу этого предписания, замечает:

„Кажется, достаточно ясно? Конфискация относится к имуществу, а истребление... к семьям туркмен.

На беду, копию с этого предписания Кауфман послал полковнику Саранчеву, заступившему место Веревкина—представителя Оренбургского Округа в Туркестане. Последний переслал этот документ Крыжановскому, который был рад этому документу по особым отношениям к Кауфману (зависть и соревнование)*).

„Самому Саранчеву также было дано предписание от 6 июля, за № 1169, в котором говорилось, по возвращении Глуховского из Сарыкамыша, Оренбургский отряд должен идти не на Ходжейли, а на Кизил Такир и если увидит, что туркмены хотят дать отпор или уйти, то Ваше Высокоблагородие немедленно имеете произвести движение по кочевьям иомудов и предайте кочевья и семьи их разорению и истреблению, а стада и имущество конфискации“. „Слова несколько другие, а смысл все тот же: семьи истребить, а имущество конфисковать“.

Итак, не в древние, дикие времена, а в XIX веке представитель „Великого Белого Царя освободителя“, генерал-адъютант Кауфман с высшим военным образованием, считающий себя вполне культурным человеком, применяет гнусный обман, ложь, двуличие, врывается в чужую страну и, не объявляя войны, приказывает своим войскам истреблять не только мужское взрослое население, могущее оказать ему сопротивление, но и женщин и детей, без всякой цели, а единственно из жестокости. Да разве это не „культурно“? Его варварство и дикость превосходят все другие дикости и зверства. Гунны, Атилы, Тамерланы, Чингиз-Ханы и др. детей и женщин не убивали, а брали только в плен...

Чем может Кауфман и царизм оправдать эти и подобные им зверства, даже с точки зрения эластичной „европейской дипломатии“?

Ведь туркмены жили у себя дома, в пустыне, Кауфмана не трогали, никаких дел с ним не имели и с ним не воевали. Могут ли эти завоеватели говорить что либо о культуре и о „зверствах диких“, будучи сами хищниками и варварами?

Впоследствии однако генералу Кауфману „приходилось часто краснеть и оправдываться“, как говорит об этом Терентьев, но не за избивание детей и женщин, а потому, что это избивание он произвел гласно, т. е. за предписание за № 1167.

Не угрызение совести заставило „краснеть“ генерала Кауфмана, а иное обстоятельство—огласка и дипломатический скандал для царской России и страх Кауфмана за свою карьеру.

Дело в том, что при войсках Кауфмана, в Туркестанском округе, находился корреспондент С.-Американских Соединенных Штатов, известный писатель американец Скайлер, который и огласил факт зверств производимых Кауфманом. Современник и очевидец туркестанских подвигов Кауфмана, генерал Терентьев описывает эти события следующим образом:

„Известный писатель Скайлер, описывая в рапортах к американскому посланнику все, что он видел и слышал в Туркестанском округе, написал между прочим, что Кауфман отдал 6 июля приказ по войскам такого-то содержания (№ 1167); рапорты эти были напечатаны в Красной Книге официальных донесений дипломатических агентов Северо-Американских Штатов.

Это произвело необычайное впечатление. русских корили за варварство и жестокость, достойную гуннов и баши-бузукв“.

Русская печать (официальная-патриотическая) была возмущена приводимыми фактами, а, главное, текстом приказа. Был взят под

*) Наше примечание. К. Н.

подозрение и этот текст и правдивость Скайлера. Ему противопоставлялась корреспонденция другого американца—Мах-Гахала, который о них не упоминал.

„Наши возражения заключались в том, что Скайлер врет, потому что такого приказа не было вовсе.

Было *предписание*, но это совсем в другом исходящем журнале. (стр. 267 и 268—т. II, Зав. Средн. Азии).

Поднялся скандал и надо было тушить „дипломатический пожар“. Кауфману необходимо было оправдаться. И вот на защиту „чести“ оскорбленной Царской России и поруганных „безукоризненно честных“ царских вельмож и доблестных воинов выступили разные официальные прислужники и органы печати. Они не стеснялись делать натяжки, подлоги, искажение в документах и прочее.

Генерал Терентьев утверждает, что:

„Сначала Кауфман (как мальчишка) и вовсе было отказался от этого предписания. Затем, „краснея“, объяснил, что будто бы роковые слова предписания были только формальные выражения для украшения слога, и не его вина, что исполнители поняли их буквально“.

Генерал-губернатор и командующий войсками Туркестана—Кауфман, несмотря на свой высокий пост и положение, не стесняется публично отречься от им изданного предписания, а затем, когда это не помогло—давать детские объяснения.

На защиту Кауфмана выступает один из его прислужников и подчиненных некто Маев, о котором в своих книгах также упоминает генерал Терентьев.

„Редактор Туркестанских Ведомостей“ (официальный орган генерал-губернатора)—Маев, сам участвовавший в эзекуционном отряде, написал возражение весьма слабое, которое и начал воскурением фамила Кауфману, Гроцкому, Головачеву и Скобелеву, которые-де „не нуждаются в защите“: „Ибо эти личности настолько светлые, настолько благородные и талантливые, что их не могут запятнать брызги грязи, разлетающиеся из под пера некоторых публицистов“, а Маев встал де „на защиту всей русской армии“.

Его защита помещена также и в „материалах“ и совершенно напрасно, так как остальные „материалы“ категорически подтверждают то, что Маев отрицает.

Конечно, у него сказано, что знаменитого *приказа не было*, что войска ничего не знали и, что Кауфман знал, кому давал предписание, знал, что Головачев не злоупотребит им. (Зачем же давалось предписание, если его не надо было выполнять?) Не приложивши текста этого предписания, Маев однако говорит: „в предписании генерала Кауфмана не требовалось непременно истребления туркменского населения, не исключая женщин и детей“ (Стр. 267 и 268).

Конечно, это утверждение Маева до очевидности абсурдно и шито белыми нитками, т. к. подлинник предписания говорит обратное и, кроме того, „истребление только мужчин“—разве не есть уже варварство и зверство и не означает ли это одновременно и гибель семейств истребленных?

Даже Маев говорит: „Что касается Коканда, то и там мы хотели только помочь Хану и покорить „под ноzi его“ непослушных подданных и все рассказы о жестокостях Скобелева—пустые сплетни и враки“.

К этому генерал Терентьев добавляет:

„Словом, защитил русскую армию!“ (стр. 269).

Удивительный русский царь и его военачальники! Они ходят по всей Азии и „помогают“ ханам умирять их же подданных и покорять народ „под ноze их“, и делают это совершенно бескорыстно.

Ввиду появившихся в печати оправданий зверским поступкам Кауфмана в Средней Азии со стороны г. г. Маевых и К-о, генерал Терентьев в своих трудах на стр. 270 публикует следующее:

„Сомневаться уже нельзя, что Кауфман именно хотел истребления ненавистного народа от мала до велика. На стран. 51-й „материалов“ приведены слова Кауфмана старшинам: *„Наказание будет жестокое и виновниками гибели себя, ваших семейств и всего имущества—будете вы сами!*“

Если бы и после этого ктонибудь стал бы еще сомневаться, то мы приведем еще одно предписание Кауфмана Головачеву от 10 июля за № 1217, приложенное как и первые два к „Материалам“. В этом предписании Кауфман уведомляет, что он отпустил старшин, задержанных в лагере и объявил им, что если жители не будут уходить с мест своего жительства, а займутся сбором контрибуции, „то Вы, Ваше Превосходительство, приостановитесь их разорять, а будете наблюдать за тем, что делается в их среде и, при малейшем покушении их уходить, приведете в исполнение приказание мое об окончательном уничтожении непокорного племени.“

Материалы, хотя и напечатанные в 1883 году, после смерти Кауфмана, но составлялись они задолго до этого и, конечно, под редакцией его самого и вот в тексте рассказа, на стр. 40-й строки 6 и 20, выражения предписаний Головачеву и Саранчеву сглажены очень ловко: выпущены только слова „*Полному . . . истреблению . . . и семьи их . . .*“. В приложениях же к „материалам“ эти слова не выкинуты. (стр. 270 .)

Далее Терентьев описывает самые события. Они сами по себе ужасны, но мы не будем приводить их и ограничимся только цитировкой некоторых характерных подробностей, приводимых генералом Терентьевым в своей книге, на стран. 271, 272, 273.

„На стран. 359, тома II своей книги Скайлер говорит, что Головачев, перед началом действий, собрал всех казачьих офицеров и объявил им о полученном от Кауфмана приказании—*не щадить ни пола, ни возраста*, а кавказским офицерам добавил:

— Надеюсь, что Вы исполните на черкесский манер, без рассуждений, не разбирая *ни пола, ни возраста . . . убивайте всех.*

Старый кавказский полковник (Квинитадзе) сказал на это:

— Конечно, исполним в точности Ваше приказание.

Действия Блока (начальник кавалерии) именно доказывают, что ему приказано было совершить нечто ужасное. Неужели можно допустить, что бы он проделал все гнусности „на черкесский манер“ по собственному побуждению?! Состояли у него в командовании, например,—Евгений Максимилианович Лейхтенбергский (из царской фамилии), барон Криднер, фон-Грюнвальд. Разве это черкесы? Они даже не казаки“.

„После напутствия, войска генерала Головачева напали на поселения туркмен и начали истреблять „всех встречающихся на пути“ самым зверским образом. Население к этому подготовлено не было и единственным спасением для себя считало бегство. Все туркмены этого района бросали свои аулы и спешили укрыться в степи и между озерами, причем женщин и детей старались усадить на арбы, а мужчины спешили ускакать на лошадях, т. к. они считали, что войска не будут трогать женщин и детей. Однако, войска истребляли всех без разбора, несмотря на отсутствие какого либо сопротивления. Кавалерия бошено скакала за уходящими и истребляла все и вся“.

„Бросая все имущество и свои семьи на произвол судьбы, туркмены, конечно, не могли и думать, что русские, объявившие уже „Аман“ (нечто вроде мира) в прокламациях, посягнут на беззащитных *женщин и детей*. Не знали они, что за ними скачут слепые исполнители грозной воли „черкесы“—Блок, Криднер, фон-Грюнвальд и прочие (стр. 272).

„Доскакав до озера, где уже столпились туркменские семьи, ехавшие на передних арбах, казаки увидели страшную картину. Глубокий и быстрый проток был буквально запружен туркменами: молодыми, стариками, женщинами, детьми. Все бросились в озеро от преследовавших их казаков, тщетно пытаясь достигнуть противоположного берега. Туркмен погибло здесь до 2 тысяч человек разного пола и возраста . . .“ (стр. 272).

„В предписании от 10 июля Кауфман похвалил за это дело Головачева и назвал его действия благоразумными и энергичными. Он сжег все селения“. (стр. 273).

Только шесть лет спустя, в 1879 году была напечатана, и то на правах рукописи, записка, составленная Вейнбергом в 1877 году „об отношениях туркмен к Хиве и к русской власти в Аму-Дарьинском отделе“. Вейнберг, чиновник министерства иностранных дел. Из этой записки мы впервые узнали еще одну подкладку туркменского разгрома. Вот, что этот Вейнберг пишет по этому поводу:

„Генерал-адъютант фон-Кауфман, прежде чем оставить Хиву, заключил с Ханом (Сейд-Рахим) трактат, исполнение которого могло быть только тогда надежным, если бы Хан был хозяином в своем Ханстве. Но Хан сознался, что с туркменами он только тогда может справиться, если русские войска помогут ему наказать туркмен, т. е., по понятиям азиатцев, *подвергнуть их избиению*, хотя бы главнейшего из племен туркмен-иомудов.

Выходит, что единственно в угоду Хану, Кауфман и наложил на туркмен контрибуцию и, не ожидая даже первых взносов, велел их *„истребить“* (стр. 278).

Как выше нами было указано, здесь два хищника и эксплуататора сговорились и проводили свою определенную программу капиталистическо-го грабежа, захвата и порабощения, а Кауфман обратился моментально из „культурного“ европейца в „азиатца“, по терминологии Вейнберга, и торжествовал победу над беззащитными женщинами и детьми.

По поводу этих событий генерал Терентьев искренне делает следующее заключение:

„Современные Моисей, с аксельбантами (принадлежность формы офицеров генерального штаба) и без них, точно также могут рассчитывать на слепое повиновение современных левитов (из свящ. историй,—исполнители). Посмотрите, как за границей расправляются не только с бунтами, но даже с простыми забастовками рабочих. Моисей, обшитый галунами, подает сигнал и левиты идут искать брата, друга и ближнего, чтобы закласть (заколоть) их в жертву суровому Богу „общественной безопасности“... Если Головачев сказал Влоку—действуйте в „черкасском духе“, а не „как левиты“, то, конечно, ради желания быть понятым, ибо кто же помнит священные рассказы услышанные в подготовительном классе? Правда и то, что Моисей не упоминал про жен, сестер и детей, а левиты убивали только мужчин... Пожалуй фраза Головачева вернее передавала смысл Кауфманского предписания..

Как бы то ни было, а слепые исполнители воли начальства, несчастные казаки, вероятно, предпочли бы штурмовать самый ад, чем *крошить бабье и детвору*“.

Нужны ли еще к этому какие-либо комментарии!..

